

А.И. Клепайло
Ялта

ИДЕЯ М.С. ВОРОНЦОВА – МАГАРАЧ.
УЧИЛИЩЕ В 60-70- ГГ. XIX ВЕКА

М.С. Воронцов и культура винограда

Время, когда в Крыму создавалась «просвещенная роскошь садов», всегда будет интересовать исследователей своей задачей, попыткой просвещенного человека выстроить гармонические отношения с Природой, выступить творцом и вписаться в ее общий замысел. Собственно говоря, для культуры эта задача вечная, стоит вспомнить образ рая в живописи, «остров блаженных» у Гомера.

Как известно, эпоха М.С. Воронцова характеризуется значительными успехами в лесоразведении (в Таврической и Херсонской губерниях), садоводстве и виноградарстве (в Бессарабии, Крыму и Закавказье - интродукция цитрусовых, культуры чая и европейских сортов винограда). Среди его важнейших инициатив – создание Магарача, первого в России научного центра виноградарства и виноделия. При этом сам граф, профессиональный военный, не имел базы знаний по ботанике и земледелию, не проводил лета в подмосковных имениях, фруктов не ел. Да и с учеными-натуралистами до поры дружбы не водил...

Разгадать природу интереса графа М.С. Воронцов к культуре винограда, миру растений – частный случай понять феномен этой личности. Его способности подчиняться идее, меняться, противостоять обстоятельствам, вписываться в реальность, в конечном счете – реализовать собственный ресурс. Нам представляется, что в этом состоит духовное наследие этой талантливой личности. Можно усложнить задачу и задаться вопросом – насколько долговременным был эффект, насколько заразительной оказалась идея «просвещенной роскоши садов» для преемников.

Плоды побед во Франции дозрели в Крыму – так выразился П. Кеппен в газете «Северный муравей» в 1830 г., рассказывая об инициативах М.С. Воронцова по закладке первых виноградников на Южнобережье [1,1]. На наш взгляд, можно согласиться с П. Кеппеном – граф надышался европейским воздухом. Идеи созидания, мирного строительства стали итогом переосмысливания военного опыта в Европе и выдвинули новых героев – ученых-натуралистов, путешественников.

В это время в Париже ностальгия по покинутому им Югу России, по Городу Солнца - Одессе чередовалась у премьер-министра Франции герцога Ришелье с активной помощью своему детищу, Никитскому саду. Он слал туда посылки с растениями из Люксембургского сада, хлопотал о научной стажировке в Европе своего протеже – директора Никитского сада Христиана Стевена (разговор с Александром I был на Аахенском конгрессе в 1818 году). Забегая вперед, скажем, что герцог Деказ по просьбе Ришелье отправлял посылки с растениями в Никиту и после его смерти.

Деловое знакомство с главой Русского оккупационного корпуса в 1815 году переросло в дружбу. Герцог увидел преемника в лице графа М.С. Воронцова и, что называется, ввел его в тему. Какую? Познать пространство Юга, придать ему смысл. Знакомство с третьим заинтересованным лицом в декабре 1820 года - Христианом Стевеном у того же герцога Ришелье завершилось покупкой графом М.С. Воронцовым первой недвижимости в Крыму – дачи Х.Х. Стевена на мысе Мартъян. Дове-

ренность на оформление земельного участка М.С. Воронцов выслал другу юности – адмиралу А.С. Грейгу. Так же заочно состоялась потом и покупка дачи Ришелье в Гурзуфе у И.А. Стемпковского.

Если проследить за маршрутами новоиспеченного генерал-губернатора, то можно увидеть, что он следовал по адресам, предоставленным Ришелье. Когда ехал к месту назначения в июле 1823-го, то, по словам сопровождающего его Н.М. Лонгинова, они остановились в 50 верстах от Одессы на даче друга Ришелье отставного генерала Кобле. Тот, как и положено англичанину, был заправским садоводом, первым в России выращивал помидоры, а еще - виноград в пыльной степи. Кобле дал гостям отведать собственного вина, заметив, что для приемов бургундского не напасешься [10,12].

Второй адрес – Вильгельм Рувье, коммерции советник, кавалер всех гильдий, фантастически успешный предприниматель, которому, скорее всего, помог состояться Ришелье.

1 августа 1823 года граф с сопровождающими лицами отправился морем в Крым. После изматывающего шторма их яхта бросила якорь в бухте Ласпи, и путешественники поднялись к даче управляющего имением Потье (зятя Рувье). Здесь были виноградники, заложенные испанскими сортами винограда. Вино, называемое ликером, и шерсть В. Рувье вывозил за границу. Он перенес эти сорта из Судакской долины, где им не подходил климат. Виноградниками занимались три зятя Рувье – Потье, Вассаль, Мари. Сам же глава семейства посвятил себя разведению тонкорунных мериносов. Потомственный масон, следуя идеям прогресса, он основал 12 поселений в Днепровском уезде Херсонской губернии, на острове Джарылгач и Тендровской косе. Там ногайцы-охранники на верблюдах перегоняли стада с одного пастбища на другое, участки степи были разделены специально устроенными лесополосами, благодаря чему ветер не сдувал плодородный слой земли. Путешественники той поры вспоминали особых серых баранов, которые паслись весь год на пастбище. По их словам, только в самые крепкие морозы баранов загоняли под крышу и давали им пучки горькой полыни. Все земли В. Рувье получил у государя в аренду в 1803-1805 гг., к 1815 году выплатил их стоимость и стал собственником [20, 303-304].

Именно коммерции советник В. Рувье привез из Франции в 1803 году пресс, лозы и трех специалистов для открывавшегося Судакского училища виноделия. А когда отправлялся в Европу вторично за партией овец, предложил государю привезти из Франции целую деревню виноградарей в долину Текие Феодосийского уезда, но этот план был отвергнут [8,82].

Но вернемся в август 1823-го. Следующий адрес – Алупка, куда граф отправился верхом с полковником Ф. Ревелиоти. Зачем? Вести переговоры о покупке земельных участков. М.С. Воронцов никогда не видел ее прежде, и никто из его окружения там не был. Значит, он мог узнать о ее красотах только из книг, то есть дневников путешественников. Самыми известными на тот момент были сочинения П. Палласа и П. Сумарокова. Эти авторы с восхищением отзывались о садах Алупки, заложенных еще при Потемкине. Мы предполагаем, что любознательный граф прочел также «Обозрение Южного берега Тавриды» Владимира Броневского (1822), где

были такие строки об Алупке: «Хотелось бы, чтобы вельможа, богач со вкусом купил сии сады и здешнюю красоту-природу украсил и раскрыл искусством» [9,62].

Оставалось исполнить предназначеннное.

Из Алупки, по словам графа Олизара, все вернулись в бухту Ласпи, после разговора с семьей В. Рувье М.С. Воронцов продолжил путь на яхте до Гурзуфа, чтобы осмотреть свое приобретение – дачу Ришелье.

В 1824 году граф М.С. Воронцов купил земли в Херсонском уезде, куда переселились за свой счет 2000 его крестьян из других имений. В Нововоронцовке начали разводить овец и устраивать лесополосы в степи. Овец развели и в Ак-Мечети, крымском имении графа в степи.

Он учился на чужом опыте.

Задача разведения в Крыму винограда и маслин впервые была поставлена М.С. Воронзовым в 1825 году. Об этом он говорил со смотрителем Императорского Никитского сада Н.А. Гартвисом. Они обсуждали «общественную пользу» от раздачи посадочного материала этих культур «безденежно». Смотритель Сада начал работы по селекции винограда - посеял первые 500 косточек, испытывал разные способы размножения маслин, как сообщал графу в частных письмах [5]. Уже на следующий год после их разговора из Сада было отпущено 2750 саженцев маслин (200 проданы консулу Сардинии в Керчи, остальные розданы бесплатно) и заложена коллекция сортов винограда – Никитский сортимент лоз.

Во «Всеподданнейшем докладе императору Александру Павловичу...» во время его визита в 1825 г. генерал-губернатор сообщал, что в рассаднике Сада собраны 600 сортов винограда [11, 326]. Кроме того, 25 ноября 1825 года по инициативе М.С. Воронцова в Судаке было учреждено акционерное общество по продаже крымских вин. Энтузиасты не скучились на затраты, чтобы качественные вина из Крыма могли конкурировать с европейскими.

Почему М.С. Воронцов претворял свой план в жизнь со смотрителем, а директор Сада Христиан Стевен оставался как будто бы в стороне? Ведь Х.Х. Стевен имел опыт закладки виноградника в Астрахани, вместе с М. Биберштейном основал в 1806 году виноградарскую школу в Кизляре?

Без сомнения, новый правитель края обсуждал роль Сада, науки вообще с этим известным ученым и своим старым знакомым. Но у того было свое мнение, изложенное еще в «Плане развития экономо-ботанического сада под деревнею Никита»: «Виноград по-настоящему не принадлежит к сему заведению. Однако ж, чтобы не исключать столь полезную часть садоводства, то всякого сорта винограда будет разведено по нескольку лоз, а хороших пород столько, чтобы и понемногу вина можно было сделать. Сие будет служить для сравнения почвы и климата в Судаке и Никите и для определения, какие породы в каждом из сих мест более выгодны» [18, 2]. То есть Х.Х. Стевен полагал, что культурой винограда следует заниматься только в плане сравнительного сортоиспытания, все остальное предоставив Судакскому училищу виноделия.

Правильное ведение виноградного куста, как о том говорил европейский опыт, требует больших трудовых затрат. Оно включает обрезку лоз с зимы до весны, перекопку на глубину 6-8 вершков в феврале, пасынкование лоз (обломку пус-

тых побегов) 10-15 мая, первую подвязку к кольям, вторую подвязку в конце июня-июле, чеканку (обрезку верхушек лоз), а в августе-сентябре следует обрывать часть листьев для лучшего освещения гроздей. Затем – сбор урожая. Плюс 1-2 раза нужно проводить прополку от сорных трав. В Саду же рабочих всегда недоставало.

Но вот Х.Х. Стевен стал инспектором юга России по шелководству после кончины М. Биберштейна в 1826 году, а Н.А. Гартвис – директором Сада, по представлению М.С. Воронцова. Генерал-губернатор «поручил г. Гартвису учредить на земле Магарачского урочища, принадлежащей Никитскому саду, особое заведение для посадки в большом виде, всех сортов винограда, признанных лучшими по опытам в Никитском сортименте, и для опытов виноделия по усовершенствованным европейским способам» [12, 27]. И в тексте 1837 года [4,2], и в рапорте в Петербург 1842 года [2, 35] Н.А. Гартвис упоминает только М.С. Воронцова как инициатора создания Магарача. Цели и задачи заведения были сформулированы Н.А. Гартвисом в рапорте №41 от 24 апреля 1828 года [3, 1]. Это может говорить о том, что Х.Х. Стевен оставился при своем мнении.

Самостоятельность нового заведения, вначале именуемого также как «образцовый казенный виноградник», была сомнительной – на землях Сада, с теми же рабочими и директором. Генерал-губернатору графу М.С. Воронцову пришлось долго ждать удобного момента, чтобы заручиться прямой поддержкой Николая I и узаконить заведение, а вместе с ним получить и денежное содержание. Через Министерство внутренних дел такое решение вряд ли прошло бы – казна и так содержала Судакское училище виноделия, а при нем – здания, 61 участок земли и 100 душ обоего пола. Ухаживали за виноградником прикомандированные солдаты, а специалисты, которых привез В. Рувье, давно разбежались. Директора заведения часто менялись. Винный погреб был сырой, да еще почему-то с окошками на юг, вино в нем плесневело. Но главное – 90 000 лоз были посажены неправильно, не на ту глубину, плюс не знали обрезки, отчего нормально плодоносила едва ли тысяча из них. И потом, все вина отчего-то имели одинаковый вкус - хоть из местных лоз, хоть из европейских. Когда в 1824 году министр Кочубей заинтересовался этим, директор училища Гзель уволился [21, 169-178].

Но почему М.С. Воронцов так упрямо отстаивал культуру винограда, несмотря на сдержанное отношение Х.Х. Стевена? Наше мнение: в 1825 году граф М.С. Воронцов прочитал «Досуги крымского судьи» П. Сумарокова. Этот труд автор завершил статистическими выкладками. Согласно прейскуранту Петербургского порта, в 1791 году в Россию было привезено из стран с теплым климатом до полутора миллиона ведер вина на сумму 1 млн 300 тыс. руб. П. Сумароков заключает: «*Крым, исхитя от алчных чужестранцев эти деньги, оставил бы оные в России*» [19, 56-57]. Кроме того, было ввезено оливковое масло (38 тыс. пудов на сумму 300 тыс. руб.), а еще изюм, фиги, маслины и каперсы.

Впечатлением от этих строк может быть фраза М.С. Воронцова о том, что Крым может стать золотым дном для России. Ее приводит Н.А. Гартвис в своем частном письме графу от 17 марта 1829 года [5].

Дерзкая задача достичь «общественного блага», сделать жизнь в России лучше, просвещенное отвечала сути М.С. Воронцова. Оставалось найти единомышлен-

ников и озадачить ученых. Его сообщник Н.А. Гартвис имел только свои рабочие руки. Как показало время, он предоставил неисчерпаемые возможности собственной личности.

Итак, Магарачское заведение было создано в рамках указа о лесоразведении, развитии садоводства и виноградарства в Новороссии, подписанного Николаем I во время взятия Варны 14.09.1828 [11, 19]. Для нового дела обстоятельства складывались не особо благоприятно – шла русско-турецкая война, солдаты Таврического гарнизонного батальона были заняты в караулах, заполучить их для выравнивания склона, вскопки земли под виноградник Н.А. Гартвису было очень трудно. Одновременно шло строительство казармы для рабочих, проводились весенние садовые работы, и он один отвечал за все. Неудивительно, что после посадки лоз на 6 десятинах земли с горсткой старших учеников Н.А. Гартвис занемог. В это время инспектор Х.Х. Стевен прислал 20 июня 1829 года резкое письмо в ответ на слишком краткий отчет Н.А. Гартвиса за 1828 г.: «Несмотря на многократные напоминания, не получил от Вашего благородия требуемого известия об успехах. Предваряю Вас, что если вслед за сим не будет оно доставлено, то должен буду о том представить в Министерство внутренних дел. Главный инспектор шелководства Стевен» [15, 40].

Интересно, что в качестве угрозы он выбрал чиновников в Петербурге, а не генерал-губернатора М.С. Воронцова. Похоже, таких теплых отношений, какие были у Х.Х. Стевена с его учителем М. Биберштейном, у них с Н.А. Гартвисом не сложилось. Можно вспомнить и тот факт, что ученый Дюбуа де Монпере, гостивший у Х.Х. Стевена в Симферополе и восторженно о нем отзавшись, имени директора Сада даже не упомянул для истории. Он выставил Н.А. Гартвиса провинциальным помещиком, указав лишь то, что в Никите «быки директора... опрокинули бюст отца ботаники вместе с его пьедесталом» [13, 176]. Речь шла о бюсте Линнея, находящемся в ротонде. Скорее всего, Х.Х. Стевен опасался, что увлечение культурой винограда приведет к тому, что у Н.А. Гартвиса просто не хватит сил на два заведения. Основатель Сада, Х.Х. Стевен хорошо представлял себе объем хозяйственных работ и масштаб научных наблюдений над культурами.

В дальнейшем для Н.А. Гартвиса рай и ад часто менялись местами в Никите. Достаточно вспомнить кражу двух тысяч заграничных саженцев татарами в 1837 году, пьянство и кражи имущества учениками, их доносы на Н.А. Гартвиса [14, 58-59], его порезы рук садовым ножом от перенапряжения, частую нервную горячку, придирики чиновников. Но главным был постоянный поиск денег. В то же время масштаб «безплатных» работ все время увеличивался. Рачительный хозяин, он старался все сделать «образцово» и лучшим образом распределить еще только ожидаемые деньги из Таврической казенной экспедиции (о чем говорят записи в «Журнале рапортов...»), предвидеть заранее любое осложнение. Иначе заведение ждал бы крах, как Судакское училище.

Надо сказать, генерал-губернатор не отличался щепетильностью в отношении Н.А. Гартвиса. Пообещав тому прибавку жалованья при учреждении Магарача, он не исполнил обещания. Н.А. Гартвис же напомнил об этом лишь спустя два года, в декабре 1829-го, указав в письме, что в расчете на прибавку жалованья взял ссуду в публичной кассе на обустройство своей дачи в Артеке [5]. При этом он не указал,

что одновременно еще и работал садовником в Никите, т.е. совмещал три должности. Жалованье за Магарач назначили, но спустя пару лет оно опять исчезло. На вопрос директора М.С. Воронцов ответил так, как это сделал бы обычный чиновник николаевской эпохи – средства выделялись из 10-тысячной премии, выделяемой на успехи в развитии садоводства и виноградарства Новороссии, в нынешнем году они истрачены. Поручив Н.А. Гартвису заказывать цветочные культуры для Алупки, М.С. Воронцов денег не оставил, и тому не раз приходилось отправлять переводы Вагнеру в Ригу из собственного кармана, когда управляющего в Алупке не было на месте.

Но в зеленом царстве Н.А. Гартвису всегда было уютно. Его натурфилософию сформулировал позже русский гений: «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?» (Ф.М. Достоевский). Н.А. Гартвис приехал в Крым с книгой «Ардингелло и блаженные острова» Гейнзе и он нашел свой блаженный остров. Правда, со временем эту роль стала играть его дача в Артеке.

В то же время появились городские парки в Симферополе, Севастополе, Феодосии. Кустарники из Никиты украшали общественные места и территории вокруг памятных мест, таких как Бахчисарайский дворец, «екатерининская миля», Ай-Тодорский маяк, храм Иоанна Златоуста, почта в Мисхоре. Подобные изменения были и в других частях Новороссии, например, в швейцарской колонии Шаба близ Аккермана, где у М.С. Воронцова был свой протеже – глава колонии, виноградарь и еествоиспытатель, отец десяти детей и член масонской ложи «Овидий» в Одессе Луи Венсан Тардан. В рабской стране силами единиц создавалась новая среда, объединяющая сила - красота для всех.

За период с 1823-го по 1844 гг. производство вина в Крыму возросло почти в 5 раз (со 143 432 ведер до 685 810 ведер) [8, 89], однако далеко не все вино было продано. Наше предположение – из-за низкого качества. Наукой виноделия еще предстояло овладеть на местах. Генерал-губернатору М.С. Воронцову удалось вовлечь в занятия виноградарством разные слои населения, при этом самому показывать пример. Его специалисты брали на выделку вина виноградный сок у крымских татар (поощрялось более высокими ценами разведение мускатов, Алеатико, Аликанта, Педро крымского для выделки десертных вин). Коллективные хозяйства (иностранные колонии) изготавливали вино сами. Для купли-продажи открывались специальные торги. Кроме купцов вино закупало Общество пароходства и торговли; акционерное общество по продаже крымских вин имело свои магазины, а в его члены вступили даже жители Петербурга. Так развивалось предпринимательство как одна из форм экономической свободы.

Но реальность взяла реванш. Первый раз – в 1845 году, когда многие жители Южнобережья забросили свои виноградники [11, 29]. Десятилетний срок, во время которого земля под ними освобождалась от налога по указу от 14.09. 1828, закончился. За землю следовало платить. Ажиотаж массовых посадок 1834 года, когда бесплатно было раздано 934 тыс. чубуков [11, 21], привел к тому, что красные и белые сорта были посажены вперемежку. Такая смесь не годилась для вина. Очевидно, оказались трудности сбыта и недостаток ухода за насаждениями. Земли Судакского училища начали продавать с 1838 года.

Чтобы виноградная лоза могла прокормить хозяина, требовалась особая связь между ними, особое терпение и забота. М.С. Воронцов знал об этом – в 1826 году в Аккермане, во время долгих переговоров с турками он предложил Л.В. Тардану взять в обучение местных крестьян, чтобы возродить старые казенные сады. Ни один человек не откликнулся на призыв главы швейцарской колонии. Все остались верны рыбной ловле. Знал ли генерал-губернатор о том, что каждому сорту должны соответствовать определенные почвенно-климатические условия? Знал - по опыту Рувье, да и Н.А. Гартвис в 1829 г. писал, что весной 1830-го заменит неудачные сорта Клерет, Асма и другие перепрививкой на винограднике графа в Ай-Даниле. Но сажали все подряд. Граф торопился исполнить задуманное.

Второй раз причиной гибели виноградников стала Крымская война 1853-1856 гг. Посадки были уничтожены в Балаклаве, Севастополе, в долинах Качи, Алымы, Бельбека. Южнобережные хозяева покинули свои дачи и не спешили возвращаться, их виноградники вырождались. На запустении земель сказалась послевоенная эмиграция части крымских татар. В дальнейшем многие земли, прежде занятые под виноградники, владельцы стали продавать по частям под дачи.

Сад и Магарак, где в годы войны Н.А. Гартвис оставался с малолетними учениками и пожилыми рабочими, уцелел и стал тем «золотым запасом», благодаря которому и стало возможным вторичное освоение Южнобережья. Недостаток ухода за лозами, т.е. нехватка рабочих рук наблюдалась и там – в 1856 году было выработано свыше 600 ведер вина, в 1858-м – уже 1700. Но здесь сохранились умелые работники; живые коллекции, где каждый экземпляр был снабжен «этикетом»; лучшие вина в подвалах; записи наблюдений над сортами; журналы метеонаблюдений. Подготовка учеников не прекращалась, в 1858 году состоялся выпуск – 9 человек. В 1863 году В.Ф. Келлер выпустил последних 5 учеников Н.А. Гартвиса .

Таким образом, в долгосрочной перспективе научные знания и опыт оказались самым ценным капиталом. Все это наследие было сохранено благодаря уникальной личности директора Магарака. Заметим, что у Л.В. Тардана и колонистов самый ценный капитал составили виноградники и их сыновья-виноградари. Шаба (Шабо) превратилась в развитый центр виноградарства. Пионеры виноградарства дают прекрасный пример для рассуждений о роли личности в истории. Для М.С. Воронцова культура винограда была предметом страсти – порой он наследовал чужой опыт, прислушивался к советам, порой предпочитал командно-административный стиль в решениях и в отношениях с людьми.

Дальнейшее освоение земель в Крыму зависело от того, насколько востребованными обществом будут достижения Магарака, каковы и насколько сильны идеи этого общества. Именно они должны были изменить материальную жизнь на полуострове.

УЧИЛИЩЕ В 60-70-Е ГГ. XIX ВЕКА

В 1860-е – 1870-е годы возник небывалый интерес к Крыму со стороны просвещенных россиян. Воздух свободы, новых возможностей снова поставил задачу познать пространство, преобразовать его. Новым, незнакомым было все – пейзаж, сельскохозяйственные культуры, философия. «Странное дело! Ни в козе, ни в овце

не узнаю родного. Другие физиономии, другая выдержка», - отмечал современник [16, 43].

Территорию следовало понять. Опыта освоения земель на крутых склонах не было, причиной бедствия и даже разорения мог стать отдельный дождь, как это видно из письма хозяину Василия Таюрского (разорившегося компаньона А.Е. Голубева, ставшего управляющим его имения «Кастель-Приморский») 19 июня 1877 года: «*У Славич унесло на 100 саженей садовой стены, размыло террасу при доме, разрушило дом, сарай, но он еще стоит (подвал – не знаю, верно, вино плавает), в доме было на 3 четверти воды, а потом на 2 вершка илу. У Ганнота унесло 1/2 десятины виноградника и на тех местах оставил рвы, унесло с двух сторон 3 стены... За зиму на 2 тысячи потратили – уладили все, и вот что!*» [17, 63-80].

Виноградники все больше сосредотачивались у представителей крупного капитала. В «Кастеле-Приморском» в отдельные времена (1878) работало до 60 человек.

Насколько успешной сложилась судьба воронцовского детища и нашлась ли равнозначная Н.А. Гартвису фигура на посту директора Сада и Магарачского училища виноделия?

За последующее сорокалетие (1860-1900) учреждениями руководили 7 человек: 1860-1865 гг. - В.Ф. Келлер, кандидат естественных наук, выпускник Дерптского университета; 1865-1866 гг. – Паволо-Швятковский, статский советник; 1866-1880 гг. – Н.Е. Цабель, ботаник; 1880 г. – Н.Я. Данилевский, естествоиспытатель, философ; 1881-1891 гг. А.И. Базаров, доктор философии и химии; 1891-1897 гг. – П.Т. Анциферов, преподаватель естественных наук; 1898-1902 гг. К.И. Тархов, агроном.

Преемник Н.А. Гартвиса В.Ф. Келлер перезаложил коллекцию сортов винограда, пристроил северный тоннель к погребу, увеличил площадь виноградников. Николай Егорович Цабель адекватно ответил на запросы общества и создал новые направления в науке, обеспечившие развитие Магарача до конца века и далее.

При поисках сведений о Н.Е. Цабеле обнаружилось, что все источники сведений об этом человеке дублируют статью из «Энциклопедии Брокгауза и Ефрана». Происхождение его неизвестно, фамилия немецкая. После окончания Главного педагогического института магистр ботаники Н.Е. Цабель преподавал ботанику в Технологическом институте, затем работал библиотекарем в Императорском ботаническом саду. В 1866 году в возрасте 35 лет он был назначен в Никите директором обоих заведений [24, 785.]

Н.Е. Цабель понял, что успешное развитие всех трех направлений – научного, коммерческого и образовательного – вряд ли возможно, и сосредоточился на науке, ее связи с практикой и реформе образования. Он возобновил в Никите ботанические изыскания - впервые после Х.Х. Стевена. Но главное – он основал в 1870 г. энзимическую лабораторию, добился финансирования штата, состоящего из трех человек. Заведовать лабораторией стал дипломированный химик А.Е. Саломон. В Магараче стали проводить химические анализы почв, определять спелость виноградных ягод (химическим путем, а не на глазок), состав сусла. Затем приступили к определению состава южнобережных вин, постановке экспериментов. Было положено на-

чало новым научным направлениям, таким как почвоведение, химия вина. В том же году в Магараче заново заложили коллекцию сортов винограда.

Одну из главных задач Н.Е. Цабель видел в распространении научных знаний через публикации. В 1871 г. вышла книга за его авторством «Виноградные сорта по областям». Основной текст представлял собой перевод с французского «Универсальной ампелографии» Одара, из которой «убрано все лишнее». Второй раздел представлял собой описание главным виноделом Магарача А.И. Сербуленко 199 сортов винограда из Никитского сортимента лоз. Третий раздел был взят из немецкого труда «Рациональное виноградарство» В. Марека 1870 г. и посвящен формировкам виноградного куста [22]. То есть Н.Е. Цабель старался оперативно знакомить крымчан с передовым европейским опытом. Затем вышла брошюра «Научные данные, относящиеся к искусственноому удобрению возделываемых почв и виноградников в особенности» (Одесса, типография Питче, 1871. 31 с.). В 1873 г. вышло «Руководство по виноградарству» Н.Е. Цабеля – 166 страниц текста, 142 рисунка, выполненных автором. Текст построен в форме календаря работ на винограднике. В предисловии автор говорит о важности занятий виноградарством на Юге России, убеждает в том, что вино приносит доход, а виноград является целебным средством, призывает помещиков *«выступить из своего уединения и принять деятельное участие в развитии виноделия, которое только таким образом станет на высоту дела общественного и только при общем старании может развиться успешно»* [23]. В 1878 г. в качестве отдельного выпуска «Записок Императорского общества сельского хозяйства Южной России» вышли «Основы виноделия» заведующего энзохимической лабораторией А.Е. Саломона.

По инициативе Н.Е. Цабеля в 1874 г. было основано Общество садоводов и виноделов Ялтинского уезда, которое ежемесячно выпускало за свой счет журнал «Крымский вестник садоводства и виноделия» (1874-1878). Большинство статей и обзоров в нем было написано или переведено из иностранных источников Н.Е. Цабелем [6, 3-6]. Общество также устроило в Ялте магазин-складку иностранного винодельческого оборудования .

Он ввел консультации специалистов Магарача в имениях. Для «дачи советов на местах» главный винодел А.И. Сербуленко ездил даже в Абрау-Дюрсо. В целях борьбы с подделками магарачские вина стали продавать исключительно в бутылках с 1877 г. В Магараче продолжили воронцовскую традицию брать вина частных лиц на выдержку в подвале.

Н.Е. Цабель считал, что дело науки – давать новые сорта, а не саженцы для продажи и отстаивал свою точку зрения. Он предложил устраивать земские и частные питомники для выращивания саженцев винограда и плодовых культур. По его инициативе Императорский Никитский сад участвовал в российских и европейских выставках сельского хозяйства, начиная с 1867 года, и неизменно был отмечен там грамотами, памятными сертификатами и золотыми медалями за виноград и вино. Все это приносило заслуженную известность, о чем говорит свидетельство современника:

«В Магараче, бок о бок с Массандрою, устроено казенное училище виноделия и отличные погреба с изумительным вином. Кто не пил хорошего магарачского ви-

на на месте, тот не имеет верного представления о достоинствах крымского вина. Я провел раз целое счастливое лето под сенью магарачского леса, на самом взморье и, конечно, хорошо познакомился и с погребами Магарача. Вино здесь не продается ведрами, а только бутылками, дешевого вина здесь поэтому нет. Красное от 60 копеек, белое от 50 копеек за бутылку на месте. Но столовыми винами Крым не может соперничать с Францией. Его слава, особенно слава Магарача – это крепкие ликерные вина. Они-то берут золотые медали на всемирных выставках своею густою, как масло, сладкою, как сахар, и необыкновенно душистою влагою. Старое магарачское вино – несравненно ни с каким другим и могло бы продаваться в погребах столицы по баснословным ценам. Особенно хороши разные мускаты, люнели и лучшее всех решительно пино-гри...» [16, 385].

Н.Е. Цабель провел в 1869 г. реформу училища. Оно стало именоваться Никитским училищем садоводства и виноделия. На учебу принимали юношей от 13 лет, на казенной и своекоштной (125 руб. в год) основе. Появился первый приглашенный преподаватель, затем – еще один. Занятия проводили также письмоводитель, священник и практиканты. Учащиеся изучали арифметику, грамматику, естественную историю, основы садоводства и виноделия, рисование, закон Божий. Первоначальный срок обучения в 8 лет был затем сокращен до 4 лет, затем установлен в 6 лет. Такие изменения, скорее всего, были связаны с величиной средств, отпускаемых на училище. Однако в отдельные годы выпуск учащихся не проводился вследствие преобразований (1874, 1876, 1878, 1879, 1883 гг.), вероятно, там не хотели сокращать программы и выпускать недоучек.

В рамках той же реформы возобновили двухлетние высшие курсы по садоводству и виноделию (1869-1872 гг. для виноделов – четырехлетние) для выпускников Главного училища садоводства, прерванные в 1859 г. в связи с переездом училища из Одессы в Умань. Это были практиканты 1-го разряда, получающие стипендию 300 руб. в год. Тех, кто имел подготовку по химии и естественным наукам, принимали в практиканты 2-го разряда. Таким образом, в училище готовили специалистов трех степеней, максимум знаний получали практиканты 1-го разряда.

Многие годы на курсах в Магараче учились выпускники Лачинской сельскохозяйственной школы (Нагорный Карабах). Проверить, велась ли эта традиция со времен наместничества М.С. Воронцова, который издал распоряжение о подготовке в Магараче за казенный счет 5 юношей из Бессарабии и 5 юношей с Кавказа, невозможно, поскольку сохранились списки учащихся только с 1857 г.

Судя по фамилиям, в училище и на высших курсах учились представители разных национальностей: русские, украинцы, бессарабцы, немцы из крымских колоний, грузины, греки, армяне, евреи. Отрасль успешно развивалась, на учебу поступали и состоятельные подростки, и бедняки. В списке учащихся и практикантов можно обнаружить князя Эристова, князя А. Шервашидзе и сына воронцовского крепостного М. Орленко [7, 1-39]. Училище давало шанс малоимущим, при наличии крепкого здоровья и трудолюбия, «выйти в люди», более состоятельным - успешно вести собственное хозяйство.

О востребованности выпускников училища говорит хорошая карьера многих из них, особенно из числа практикантов. Так, Николай Вицентини стал заведовать

Бессарабским училищем садоводства, Матвей Бородин преподавал виноградарство и виноделие в Аккерманском двуклассном городском училище, Аполлон Гинценберг заведовал ботаническим садом в Тифлисе, Владимир Остапович заведовал Тифлисской школой садоводства. Степан Дикенсон, выпускник училища из числа практикантов 1877 г., служил на Кавказе у князя Багратиона-Мухранского, привозил свои вина на Ялтинскую выставку виноделия, садоводства и табаководства в 1884 году, получил похвальный лист. Затем стал главным виноделом кахетинского имения Цинандали, привел его в образцовое состояние – заложил новые насаждения, построил новый подвал. В 1889 г. был назначен инспектором виноделия всех удельных имений с содержанием 3600 рублей в год, в то время как среднее жалованье выпускников училища составляло 400-900 руб. в год.

Характерно, что осваивать новые территории – Туркестан выпускники училища начали тоже во времена Н.Е. Цабеля (Петр Пороховский, выпускник 1873 г.).

Об участии практикантов в научных исследованиях Магарача, о создании наиболее талантливыми из них типов южнобережных вин следует говорить отдельно.

Таким образом, директор Сада и Магарача в сложное пореформенное время, Н.Е. Цабель тонко чувствовал запросы общества, сочетал в своей особе знания, опыт, научную интуицию, исключительное трудолюбие и некоторую долю жертвенности. Он покинул свой пост не по своей воле. 12-13 января 1880 года в Никите прошли повальные обыски во всех помещениях с участием жандарм и 120 солдат. Тогда в стране зрели революционные настроения, в Крыму бывали народовольцы Желябов и Перовская. Власти опасались террористов, на особенном учете были учебные заведения. Н.Е. Цабель, испросив отпуск, выехал в Петербург для объяснений. И уже не вернулся [15]. На следующее место службы он устроился только спустя четыре года.

Семидесятые годы подготовили благодатную почву для дальнейших исследований в области виноделия, становления типов российских вин вообще, поскольку в Магарачскую энохимическую лабораторию впоследствии привозили вина из других регионов.

Практика показала, что добиться самоокупаемости, занимаясь наукой и подготовкой специалистов, как этого хотел М.С. Воронцов от Н.А. Гартвиса, невозможно. На содержание Сада, училища и высших курсов из казны в 1890 г. отпускалось 55 310 рублей [25, 83-84]. Однако здесь развивалась отраслевая наука и готовились кадры для всей России.

На примере анализа первого полувека из 188-летней истории института «Магарач» можно заключить, что наука и человеческий потенциал являются главными условиями для развития общества. История виноградарства и виноделия в Крыму представляет собой богатый материал для изучения влияния европейской науки и культуры на российскую почву и для размышлений о таких философских категориях, как идеализм, утопия, общественный прогресс, роль личности в истории.

Литература и источники

1. Архив Никитского ботанического сада-Национального научного центра (НБС-ННЦ). Опись 1. Ед. хран. 82. На 5 листах. Северный муравей, газета промышленности. №23, 1830
2. Архив НБС-ННЦ. Опись 1. Ед. хран. 100. Исходящие бумаги Никитского сада и Магарачского училища виноделия. 1842. Л. 35.
3. Архив Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Всероссийский национальный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН (ФГБУН «ВНИИВиВ «Магарач» РАН»). Рапорт №41 от 24 апреля 1828 г. Дорев. машинопись. Ксерокопия без номера.
4. Архив ФГБУН «ВНИИВиВ «Магарач» РАН». О заведении и нынешнем состоянии Магарачского училища виноделия/Рукопись на 8 с. Без номера
5. Российский государственный архив древних актов. Ф.1261, д. Воронцовых, оп.3, ед. хран. 1334. Письма Н.А. Гартвиса М.С. Воронцову. Пер. с фр. И.В. Чернухи и Ж.Т. Домжо.
6. Акчурин Р.К. Отечественные журналы по виноградарству и виноделию//Виноградарство и виноделие СССР. 1990, №1. С 3-6.
7. Базаров А.И. Сведения о деятельности садовников и виноделов, получивших образование в Императорском Никитском саду//Записки Императорского Никитского сада. Вып. 1. Ялта, типография Н.Р. Петрова, 1890. С. 1-39.
8. Баллас М. Историко-статистический очерк виноделия в России (Кавказ и Крым). С.-Петербург: Типография об-ва «Общественная польза», 1877.
9. В. Б. Броневский. Обозрение южного берега Тавриды в 1815 году. Тула: в типографии Губернского правления, 1822. С. 62
10. Вино, власть и общество/Гулиев Рубен, Гулиев Роберт, Прилипко А., Стремядин В. Киев: Новый друк, 2006.
11. Виноделие в России (Историко-статистический очерк). Сост. Мих. Баллас. Ч. I Крым, степная часть Таврической губернии, Дон и Астрахань. С.-Петербург: Изд-во Департамента земледелия, 1895.
12. Гартвис Н.А. Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия... С.-Петербург: В типографии Императорской Академии наук, 1855.
13. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, в Армению и в Крым. В 6 т. – Париж, 1843. Т. 5,6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. С. 176
14. Клепайло А.И. Подготовка учеников в Магарачском училище виноделия в 30-50-х годах XIX века/ /Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком: Сб. научных статей и докладов/Ред.-сост. Г.Г. Филатова. – Симферополь: Н. Оріанда, 2012. С. 56-61.
15. Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь: Н. Оріанда, 2011.
16. Марков Е.В. Очерки Крыма. Симферополь: Таврида, 1995.
17. Орехова Л.А. «Кастель-Приморский»: истории и судьбы в архивных документах//Историческое наследие Крыма, 2007, №18. С. 63-80.

18. Промтов И.А., Охременко Н.С. Научно-производственная и учебно-показательная деятельность «Магарача» за 125 лет его существования. 1953. – 199 с /Машинопись. Научная библиотека ФГБУН «ВНИИВиВ «Магарач» РАН».
19. Сумароков П. Досуги крымского судьи//История виноделия Крыма. Вып. II/Сост. Митяев В.В. Массандра, 2001. С. 55-57.
20. Тарасова М.Б. «Ласпи» - имение французских аристократов//Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком: Сб. научных статей и докладов/Ред.-сост. Г.Г. Филатова. – Симферополь: Н. Оріанда, 2012. С. 303-312.
21. Тимиргазин А.Д. Смотритель Судакского училища виноградарства и виноделия барон Александр Карлович Боде// Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком: Сб. научных статей и докладов/Ред.-сост. Г.Г. Филатова. – Симферополь: Н. Оріанда, 2012. С. 169-178.
22. Цабель Н.Е. Виноградные сорта по областям. Симферополь: типография С. Спиро, 1871
23. Цабель Н.Е. Руководство по виноградарству. Одесса, 1873
24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т.XXXVIIа (на титуле), 74 (на корешке). С.-Петербург, 1908.
25. Энциклопедия Брокгауза и Ефона. Т. XXI (на титуле), 41 (на корешке). С.-Петербург, 1897.